

От подвѣма

до отбоя

Армия - школа жизни

Рогожин Валерий
Петрович

Валерий Петрович Рогожин

От подъема до отбоя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010200

ISBN 9785447466657

Аннотация

В книге с юмором рассказывается о тяготах солдатской службы. Автор сам пришел в армию недоученным студентом, прошел весь тернистый путь от рядового, курсанта сержантской школы до сержанта, отличника боевой и политической подготовки.

Содержание

1. Плохой студент всегда может стать хорошим солдатом...	5
2. Долгая дорога в казарму	18
3. Солдат – самое мелкое живое существо	26
4. Святая Мать Противогазная	43
5. Многое знание – многое печали	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

От подъема до отбоя
Армия – школа жизни
Валерий Рогожин

© Валерий Рогожин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Плохой студент всегда может стать хорошим солдатом...

В армии я служил не со своим годом. Я успел проучиться в институте Стали и Сплавов в столице нашей Родины, откуда был благополучно отчислен по истечении года. Если по-честному, говорить, что я год учился, это несколько преувеличивать. За этот год я занимался в театральной сту-

дии, в литературной студии-объединении, посещал все вечера и концерты бардов и менестрелей, а их в те годы было в Москве очень много, активно знакомился со всеми доступными значными местами, расположенными вокруг ВУЗа (аббревиатура Московского института Стали и Сплавов МИСиС расшифровывалась студентами как Московский институт Семи Соблазнов). Все это время я активно знакомился с Москвой, весь центр столицы был истоптан мной многократно. Я прекрасно знал где находится клуб МИИТа или имени Серафимовича, где шашлычная Кавказ, кафе Шоколадница или пивбар №17.

Таким образом для изучения химии, а их у нас на первом курсе было не то три, не то четыре, или физики времени уже не оставалось. Жили мы за городом. С общежитием в институте было проблематично, и администрация выходила из положения следующим образом. Вблизи от Курского вокзала нашли симпатичный дачный поселок Салтыковку. В летнее время здесь было не протолкнуться от дачников. Кто-то был домовладельцем или точнее дачевладельцем, кто-то просто снимал койкоместо, но свободным не был ни один сарайчик, ни одна раскладушка. Почти как в Сочи или Туапсе.

А вот осенью-зимой население резко сокращалось, и в домах оставались в основном старики и старухи, да ожидающие переселения в квартиры с удобствами наследники домовладельцев. И вот администрация института стала снимать пустующее жилье для студентов. Платил ВУЗ за каждого сту-

дента по пять рублей с головы, а сам поселившийся молодой человек доплачивал хозяевам еще два с полтиной за якобы излишки света сожженные при занятиях в неурочное время. Ожидалось, что грызущие гранит науки студенты будут засиживаться достаточно регулярно за полночь. Может быть в более ранние годы такое и случалось, но не при мне.

Поездки в Москву и обратно также занимали время, отнимая его от учебы. Кроме того, толкотня в часы пик, да и вообще поездки несколько утомляли. Приезжаешь пусть не до конца, но вымотанный и уже ничего не хочется делать. Недаром в студенческом КВНе прозвучали строки:

Вы из Коммуны, а мы из Салтыковки,
Вам к соседке, а нам в века!
В историю уверенно выедем
На тощей спине электроишака

Дом Коммуны – так называлось московское общежитие. В Салтыковке имелся свой комендант, который отвечал за расселение студентов, условия их проживания. А какие там были условия? Самые обыкновенные деревенские. Это было начало семидесятых. Повсеместной газификации Подмосковья не было, водопровода не было. Так и жили три – пять человек в комнате, на кухоньке керогаз и ведро для воды. Вода на участке или недалеко от дома в колонке на улице. Все остальные удобства в конце участка в фанерной постройке специального назначения. Новые условия совместно

с К. Симоновым родили иные строки для КВНа:

Ты помнишь, Алеша, дороги Салтыковки,
Как шли бесконечные злые дожди,
И как студент, одуревший от выпивки,
Плакал, зачетку прижавши к груди.
Как слезы он грязной ладонью размазывал,
Как вслед нам шептал: «О, Господь вас спаси!»
И к коменданту дорогу показывал,
Будто с этапом мы шли по Руси...

Короче, после второй сессии, когда все праздники и пьянки остались позади, а новые еще не появились на горизонте, я отправился в райвоенкомат. Райвоенкомат, как и положено ему, находился в районе, в славном городе Балашиха. На прием к военкому мне удалось попасть только с третьего раза. Но поскольку на занятия я уже ходить перестал, я начал ходить на прием. В результате через несколько дней я кому-то где-то окончательно надоел и военком согласился со мной встретиться.

Захожу в помещение. Достаточно большой кабинет. Длинный стол. С той стороны сидит подполковник и вопросительно смотрит на меня. Я не знаю, что нужно делать, и, хотя прожил всю жизнь в военной семье, т.е. в семье военнослужащего, не имею представления как себя вести. Поэтому молча стою и жду наводящих вопросов.

– Итак, кто вы и чего хотите?

– Я студент МИСиСа, передумал учиться, хочу пойти служить в армию.

– Значит так. Ты нахватал двоек и хочешь сбежать в армию?

– Никак нет

Я действительно еще не успел нахватать двоек и неудов, и в деканате пока что ничего не знают о моих милитаристических намерениях.

– Тогда что?

– Хочу служить в армии.

– Ты местный?

– Нет. С Украины.

– Ну, так выписывайся, езжай домой и иди в армию. Там рядом с домом будешь служить.

– Я не хочу рядом. Я хочу сейчас.

– Что сейчас?

– Сейчас хочу в армию идти.

Повторюсь. Это было начало семидесятых годов. Служба в армии считалась почетной обязанностью, это был долг каждого мужика перед Родиной. Если кого-то не брали сразу в армию, без весомой причины, он считался ущербным. Девчонки на такого парня смотрели с подозрением. Кому нужен больной кавалер? Сам видел на пересыльном пункте ребят, которых не брали из-за какой-нибудь гонореи, для них это была самая настоящая трагедия

Но видимо человек, который отказывается от законной

отсрочки и добровольно вне очереди рвется стать воином СА, военкому внушал какие-то подозрения.

– Сейчас в армию не берем.

– Как это не берете? Почему?

– Сейчас набора нет.

– Но я хочу идти служить!

Тут у военкома терпение кончилось. Как это так, он бра-
вый офицер, подполковник, у которого в подчинении людей
больше, чем у меня носков в чемодане, должен уговаривать
какого-то пацана

– Все. Армия – это не проходной двор. Захотел пришел,
захотел ушел. Министр приказ подпишет – пойдешь слу-
жить.

– Уже.

– Что уже?

– Министр уже подписал приказ о призыве моего года и я
пришел служить.

– Когда он подписал?

– В прошлом году, товарищ подполковник. Я пятьдесят
первого года

Военком был так разъярен, взбешен явным неповинове-
нием, что готов был отменить все приказы министра оборо-
ны, но озвучить это все-таки не рискнул.

– Вон! Сказали вон – значит вон! Получишь повестку,
придешь и отправим служить. А сейчас убирайся!

– Но вы хоть запишите меня, чтобы сразу как только мож-

но...

– ВОН!!!

Пришлось срочно покинуть негостеприимный кабинет.

Прошли годы. Сделаю небольшое отступление от моего основного повествования. Ибо события происшедшие тогда прямо связаны с недавними событиями. Видимо ничего не меняется в многострадальной моей России. Повторяю, прошли годы. Четверть века с небольшим хвостиком. Судьба бросала меня, крутила, носила и занесла опять в ту же самую славную Балашиху. Здесь я живу, здесь живет моя семья, здесь же, в Балашихинском райвоенкомате стоит на учете мой сын. Только какое-то время он на этом самом учете воинском не стоял. Может стоял, но на чем-нибудь другом, может на учете, но не в райвоенкомате. Не знаю. Знаю, что приходит он однажды домой и говорит

– Приходили сегодня в группу с военной кафедры и сказали, чтобы принесли справку из военкомата, что я, точнее мы, все ребята, стоим на учете в военкомате. В противном случае будут подавать бумагу ректору на отчисление.

Нужно сказать, что с ЖЭКаами военкомат у нас связи не поддерживает. Вроде должен бы. Школы подают сведения о учениках, но мой лоботряс после 8 классов пошел учиться в московский техникум или как теперь принято колледж. Московскому колледжу до балашихинского военкомата, как... В общем все понятно. Надо идти в военкомат, ставить на учет, добывать справку. Во избежание последствий.

Конечно, надо бы самого отправить, но ведь ребенок, ну и что что великовозрастный.

Сидит девочка, что-то пишет, карточки заполняет, наверное важные. Как никак обороноспособность от них напрямую зависит.

– Девушка, – прошу слезно, с видом нижайшей покорности, – мне бы справочку оформить.

– Сейчас сделаем, – говорит девушка и начинает искать материалы на моего сына.

Через минут пятнадцать к поискам подключаются еще две женщины старшего возраста, а затем еще одна совсем пожилая. Выяснив, что он здоров, не инвалид, в горячих точках не бывал, не привлекался, не участвовал, не ..., не ..., не... мне сообщили, что на учете у них он не состоит и необходимую справку, соответственно, мне выдать не могут.

Я выдвигаю рациональное, на мой взгляд предложение, поставить его на учет и дать мне необходимую справку.

Как бы не так. Оказывается, на учет могут поставить только человека, прошедшего медкомиссию.

Тут я вижу только один выход из создавшейся ситуации.

– Направьте его на медкомиссию, а мне дайте вожденную справку.

Оказывается медкомиссия распущена до осени.

– Тогда, пожалуйста, запишите его во все какие можно списки очередников на медкомиссию, на постановку, на... и еще куда-нибудь, а мне дайте маленькую справочку о том,

что в военкомате моего сына знают, что о нем помнят и при первой возможности поставят на учет.

– Мы таких справок не даем.

– И что мне делать?

– Идите к военкому.

Иду к военкому. Рассказываю животрепещущую историю о том, что сыну нужна справка о том, что и так далее и все такое подобное.

– Мы таких справок не даем.

– И что же мне делать?

– Ждите осени. Осенью он придет на медкомиссию...

– А если медкомиссия его без повестки не примет?

– Ну тогда и будем думать.

– Но справку сейчас требуют!

– Пусть до осени подождут!

– А если и осенью мне справку не дадут?

– Осенью должны дать.

– А если...

– Все! У меня обед! Закрываюсь!

Не правда ли, очень похоже? Закончилась эта история вполне благополучно. Я от безысходности пошел в ЖЭК. И там молоденькая девушка-паспортистка выписала мне справку о том, что якобы в ЖЭКе произошел пожар, в котором документы допризывников сгорели. К осени все документы будут восстановлены и поданы в райвоенкомат для постановки на учет. Все остались довольны: и военкомат, ко-

торый оставили в покое, и военная кафедра, которая получила необходимую бумагу, а особенно паспортистка, которой я за труды презентовал здоровенную коробку шоколада

Итак, в армию меня брать отказались. Потянулись длинные дни шалаяй-валяйства. В конце концов подошла сессия и я ее успешно завалил. Родители тут же узнали об этом, и отец незамедлительно прибыл за мной. Желания продолжать неудавшийся роман с Институтами Стали и Сплавов у меня никакого не было, и я отбыл домой.

Прошедший год сподвиг меня пойти по гуманитарной стезе. Родители решили дать отпрыску еще один шанс и я выбрал специальность библиотекаря. Родители не противились, рассуждая, что мужчина с такой специальностью всегда будет востребован, поскольку мужчин-библиотекарей в стране, как правило, недобор.

Библиотекарей готовят в институте культуры. Институт культуры было штуки три на страну. Этого количества дипломированных специалистов для нашей культуры должно было вполне хватить. И я направился в Московский Государственный институт Культуры, который расположился где-то в Химках.

Уже обученный общежитейскому образу жизни, я сколотил небольшую, но активную группу абитуриентов. Днем мы занимались. Вполне серьезно готовились к экзаменам. Двое были после армии и слегка подзабыли то, чему учили их в школе. Поэтому я по доброй воле читал им лекции по пред-

метам сдачи. Порой само собой изложение переходило на современную литературу или поэзию. Стихов я знал множество. И это оживляло изложение материала. Чуть позже мы познакомились с двумя или тремя студентками. Это были первокурсницы, уже перешедшие на второй курс, и работавшие летом в институте. Они всеми правдами и неправдами прибегали на мои доморощенные лекции, а уж я старался изо всех сил, заливаясь соловьем. Сейчас я уже так не смогу. Знаний может и стало больше, но возраст гораздо старше, а в данном случае это большой минус.

В конце концов экзамены подошли к концу. Сдал я вроде бы все успешно, что-то типа две четверки и две пятерки (точно не помню, но где-то так). Оставалось сдать собеседование. Моя пассия из новых знакомых, Лена, всю жизнь везло на Лен, сообщила, что по количеству баллов я могу считаться студентом. Она уже прикидывала, в какие секции мы сможем записаться, когда будем ездить в Москву, где будем брать самые дефицитные книги и что-то там еще подобное и грандиозное. Причем меня извещали о результатах, а в процессе составления всех этих раскладок я участия как-то не принимал.

Наконец долгожданное собеседование. Если других абитуриентов опрашивают двое-трое преподавателей, то мне досталась одна женщина средних лет. Видимо она пользовалась здесь определенным авторитетом и занимала какое-то достаточно высокое положение.

Мы говорили обо всем понемногу. О современной литературе за рубежом и о нашей современной литературе. О писателях-деревенщиках и о партийной прослойке. О Белове и о Кочетове. О Вознесенском и Евтушенко. О фантастике и о реализме. Я заливался как соловей. Иногда подходили кто-нибудь из других преподавателей, немного слушал, кивал головой и уходил. Все было отлично. И неожиданно в пылу красноречия я коснулся армейского вопроса. Армия, общество и армия, личность и армия, я готовился пойти служить и поэтому продумывал все эти вопросы. Ответы у меня уже были готовы.

– Что есть армия? Армия – это аппарат необходимый для функционирования государства, но в то же время, паразитирующий на теле государственной структуры. Армия угнетает личность, нивелирует ее, уравнивает до некоего среднего.

И прочее, и прочее, и прочее...

Она меня молча слушала, не перебивала, не останавливала. А потом, когда я сделал паузу, неожиданно сказала

– А вы знаете, мой сын служит, и ничего, не жалуется...

Я опешил. Какое отношение имеет ее реальный сын, который где-то реально тянет солдатскую лямку, к моим абстрактным рассуждениям об армии вообще! О философском понимании роли армии в современном обществе!

– Вы знаете, я думаю, что если мне придется послужить Родине, я тоже буду добросовестно служить и жаловаться не буду!

– Ну идите! – сказала она

И я пошел. Я собеседование не прошел, но пошел служить. Не сразу, через два с половиной месяца. Я прослужил полгода в Горьковской области, так называемые Гороховецкие лагеря. Я проехал всю Россию от Нижнего Новгорода (тогда Горький) до Читы и Улан-Уде, затем до Наушек, Улан-Батора, Чойра и, наконец, Сайн Шанда. Я прослужил положенные мне два года и еще несколько дней, и никто никогда никаких жалоб от меня не слышал.

2. Долгая дорога в казарму

Подразделение, в которое ты попадаешь, начиная службу в Советской Армии, выбирают судьба и военком. Если, конечно, ты обычный гражданин России и не владеешь никакими дополнительными благами, как то: блат у военкома, знакомство с заместителем военкома, протекция старшего прапорщика и т. д., и т. п., и прочая, и прочая, и прочая.

В этой области я не являлся обычным гражданином РФ, пользовался протекцией и все такое подобное, потому как отец мой был кадровым военным офицером, прослужившим всю жизнь в строевых войсках, и почти все прапорщики, работавшие в военкомате были с ним хорошо знакомы, так как сами когда-то служили под его командованием. Ну, вот так исторически сложилось. И используя эти личные связи, мой горячо любимый папа наказал личному составу райвоенкомата сделать все возможное, чтобы я попал на службу в самую дисциплинированную, самую строгую, самую образцово-показательную часть во всей Советской Армии, где бы из меня в кратчайший срок сделали нормального человека и отличного солдата, отличника боевой и политической подготовки. И весь личный состав райвоенкомата его клятвенно заверил, что будет сделано все возможное.

Родители у меня непьющие, поэтому особых многодневных гуляний, в связи с проводами меня в армейские ряды,

не было. Так собралось несколько особо близких знакомых, выпили немного «Рябины на коньяке», друзья произнесли, а я внимательно выслушал все наказы и пожелания тех, кого мне в ближайшем будущем предстояло охранять, защищать, оберегать и вообще стоять на страже, а утром я самостоятельно в сопровождении родителей отбыл в райвоенкомат.

Достаточно быстро здесь отобрали паспорт, обкарнали под машинку мою гражданскую прическу, создав стандартный фасон «салажонок» и построили всех неровной цепью. Военком сказал какое-то обычное напутствие, духовой оркестр рявкнул что-то бодрое и громкое и нас усадили в ЛИАЗик. Родители дружно смахнули слезинки, автобус фыркнул, выпустил несколько клубов дыма и благополучно выехал со двора райвоенкомата.

Городок у нас был небольшой, хотя и с богатым историческим прошлым. Покинули мы его минут через пятнадцать после начала движения. Дорога лежала в областной центр, соответственно в областной военкомат, где должна была дальше решаться наша судьба. Ехать предстояло часа три – четыре, поэтому сразу же после выезда из города были открыты чемоданы, развязаны кульки, туески и рюкзачки и на свет божий извлеклись продовольственно-питейные запасы будущих защитников Отечества.

Запасы были обильные. В наличии было полное присутствие всех пищевых продуктов известных городским и деревенским жителям северо-восточной Украины.

С напитками было несколько победнее. Небольшое количество водочной продукции местного производства несколько не дотягивало до полного ящика. Но, если добавить все аналоги водки, произведенные в домашних условиях, то общее количество не уместилось бы в трех или даже четырех ящиках. Старшим в автобусе был прапорщик, ему и налили первый стакан. Затем гулянье развернулось в полную силу.

Соблюдая справедливость, следует сказать, что на спиртное налегали более чем умеренно, не теряя головы и памятуя, что едем в чужой город, незнакомое место и не на один день.

После принятия пищи, перешли к песенно-лирической части, но эта часть не сложилась в виду полного отсутствия женской составляющей, и народ отправился в объятия к древним грекам с римлянами, имеются в виду объятия Морфея.

Прапорщик затеял со мной душещипательный разговор, из которого я узнал, что он знаком с моим отцом очень давно, что отец всячески наказывал ему и остальным работникам тра-та-та-та-та, что он очень боялся, что я окажусь тра-та-та-та-та, но я выдержал труднейший экзамен спиртными напитками и...

Дальше разговор прервался и прапорщик погрузился в нирвану или еще куда-нибудь, куда обычно погружаются прапорщики после выпитых трехсот граммов водки.

За время дороги мы еще дважды повторяли всю проце-

дуру, что было совсем не лишним, поскольку дорога, хоть и не была богата автомобильными пробками (в те далекие времена мы еще даже не знали такого слова), но все-таки была довольно продолжительной.

Мы успели хорошо отоспаться, когда наконец прибыли на пересыльный пункт. Я еще не знал, что простился с родителями этим утром на долгие два с лишним года, что смогу с ними увидеться только после службы и то не сразу, не считая недели отпуска, а что город, в котором я вырос, закончил школу, первый раз влюбился, напился и серьезно подрался увижу лишь лет через семь всего на несколько дней.

На пересылке нас построили, пересчитали, переписали в очередной раз, на всякий случай еще раз попытались подстричь и захотели было помыть, но вовремя одумались. После чего распределили по баракам и по кроватям и даже выдали нечто напоминающее постельное белье.

Потянулись долгие дни ожидания. Дня три нас таскали по медкомиссиям. Обследовали все, что можно обследовать, трех человек забраковали и отправили домой. Ребята были очень расстроены. Впрочем эти слова ничего не говорят о их состоянии, потому что один хотел даже убежать в другой город, чтобы там его взяли служить, но друзья благополучно отговорили. А второй стал поговаривать о самоубийстве. Пищевые запасы подошли к концу. Личный состав тоже потихоньку таял, так как небольшими партиями ребят развозили в разные места.

За солдатами приезжали со всего Союза. Увозили и на Камчатку, и в Среднюю Азию, и на Крайний Север. На Украине, правда, почти никого не оставляли. Одного парня забраковали во флот. Это была еще одна трагедия и трагедия подлинная, хотя служить во флоте предстояло на год больше.

Прибыла еще одна группа из нашего города, точнее из нашего района. Все призывники держались своеобразными землячествами. Если из твоего района, значит земляк, достаются все запасы пищи и спиртного, а при необходимости делятся деньги и обязательно поддержат в драке, если такая возникнет. Причем вначале поддержат, а потом начнут доискиваться до причин и выяснять, кто прав, а кто не очень.

Пищей на пересылке вроде бы кормили, но попробовав это непонятное варево один раз, никто больше не стал даже ходить за ним. Поэтому не знаю готовили его каждый день или показательно раз в два-три дня. Работами не утруждали. Так, утром уборка помещения, подмести мусор, протереть кое-где пыль. Днем пытались занять строевой подготовкой, но масса была малоуправляемая, непослушная, с нором и строевая не получалась.

Можно было найти кое-какие книги. Так и проводили время: читали, пьянствовали (а спиртное, как и домашние припасы, не переводилось, постоянно подпитываясь новыми поступлениями), травили анекдоты или рассказывали житейские истории. В общем жили в свое удовольствие, которое

лично мне уже начало надоедать, поскольку я жил в этом странноприимном доме уже десять суток.

На одиннадцатые сутки меня, наконец, вызвали для отправки. Процедура вызова была донельзя простой. Неожиданно в казарме или бараке, как вам больше нравится, появлялся прапорщик с пачкой бумаг. Он зачитывал список из какого-то количества фамилий. Если отзывались не все зачитанные, процедура повторялась. На пятый или шестой раз не объявившийся допризывник вычеркивался из списков, а его место занимала фамилия из дополнительного списка. Когда команда была сформирована, ребят строили, выводили на улицу, еще раз пересчитывали, проверяли по списку и уводили с территории пересылки. Больше никого из них мы уже не видели.

Так на одиннадцатые сутки и меня: зачитали, пересчитали, проверили, посадили в автобус и увезли на вокзал. На вокзале посадили в раздолбанный вагон, видевший, наверное еще допризывников сорок третьего года, и повезли. Как вскоре оказалось, ехали мы в город Харьков.

Не знаю, почему нашу небольшую команду не отвезли сразу же в город Горький, как он тогда назывался, неужели дешевле было десять суток путешествовать по стране, пусть это решают историки, если кого-то заинтересует столь незначительный факт. Но именно так и было.

В Харькове мы влились в большую команду, занимавшую целый эшелон и в режиме строжайшей секретности поехали

на восток или юго-восток. Секретность касалась только нас допризывников. Сопровождавшие эшелон офицеры и сержанты, конечно, знали финишную точку назначения, но молчали, проводники знали лишь узловые станции. Так и ехали, гадая и высказывая самые фантастические предположения. Челябинск, Владивосток, Новосибирск, Омск и даже таинственный северный порт Амдерма, – фантазия работала без сбоев и географию сообща знали неплохо.

Запомнился Армавир. Серое раннее осеннее утро. Прохладно, пустынно, на перроне то ли нищие, то ли просто побирушки, то ли некие погорельцы. Просят кусок хлеба, какую-то одежонку. Завтрашние солдаты, а сегодняшние еще пацаны из озорства еще несколько дней назад изодрали одежду так, что лохмотья теперь висят бахромой. И эту одежду побирушки с жадностью хватают, складывают, куда-то уносят. Картина очень муторная, но ничего ценного у нас нет, а они и этим обноскам рады до невозможности. Стоим недолго и вскоре эшелон трогается.

Замечаем, что длина состава уменьшилась. Ночью где-то отсоединили ряд вагонов и отправили в другую сторону. Идут десятые сутки пути, когда мы наконец-то прибываем на небольшой лесной полустанок и следует команда «Выгружайся». Итак, прошло более двадцати суток, как я покинул родительский дом и отправился в самостоятельное плавание в житейском море. Сразу же в воинской части нас вымыли, а тело уже порядком истосковалось по мочалке и мылу, пе-

реодели в новенькую военную форму, сидевшую на всех без исключения неуклюже и мешковато и развели по казармам. Покормили и отдыхать. Построения, строевая, учебные тревоги и смотры, конспекты и наряды, обучение и работа – все это будет завтра. А сегодня мы наконец-то на месте и сегодня спать, спать и спа...

3. Солдат – самое мелкое живое существо

Ум хорошо, а два сапога все равно пара

*Учитесь различать: где демократия, а где –
строй!*

*А здесь ток идет, идет... и превращается
в напряжение.*

*Техника должна храниться в хранилище для
хранения техники.*

Учиться настоящему делу военным образом.

Мы солдаты. Точнее курсанты, потому что привезли нас как раз в гвардейский отдельный истребительно-противотанковый краснознаменный учебный полк полевая почта тра-та-та, где мне и предстояло провести ближайшие полгода. И этот полк не настоящий, а учебный. Нет, в войну, конечно, он и был и будет, если придется, вполне настоящим. Но на данный момент, здесь готовят младших командиров Советской Армии, то бишь сержантов, и называется он (полк) учебка.

Отличается он от обычного солдатского линейного тем,

что в середине дня мы обязательно сидим в классной комнате и пишем конспекты. Но буду рассказывать все по порядку.

Итак, ехали мы не много, не мало, а ровно 10 суток. И приехали за это время в место, которое называется почтовое отделение Гулино. Все названия, кроме крупных городов, я буду изменять, чтобы случайно не раскрыть какую-либо военную тайну, и чтобы враг не смог догадаться, где находятся описанные военные объекты, и, чтобы этот самый враг не смог неожиданно напасть на эти самые объекты, используя сведения, полученные от меня, и чтобы... Короче я уже запутался, а всем все стало ясно.

Уже гораздо позже, будучи простым гражданским человеком, я сам заинтересовался этим своим путешествием и попытался определить какое расстояние мы осилили за эти долгие дни и ночи. Оказалось, что всего 931 км проехали мы за 10 суток. Если посчитать, что ехали мы без остановок, то получается, мы мчались со скоростью 3,88 километра в час. Да... Скорость не из высоких.

Но тщательно подумав, я понял, что все это делалось специально и продуманно. Ведь при такой скорости, и именно при такой, мы были постоянно готовы подняться в полный рост и отразить нападение врага. Значит обороноспособность нашей армии ни капли не зависела от того, где мы находимся: у себя в подразделении или в вагоне движущегося поезда.

Значит почтовое отделение Гулино. Это почтовое отделе-

ние представляло собой небольшой военный поселок. Гражданские люди здесь составляли меньшинство. Центр поселка состоял из десяти – пятнадцати, ну, ладно, двадцати двух-..., трех-..., четырех-..., и пятиэтажных домов. В этих домах и жили офицеры и прапорщики с семьями и без, и вольнонаемные, но тоже и с семьями, и без, работники.

В самом центре располагалось большое приземистое массивное здание с огромной звездой на фронте, четырьмя псевдо колоннами при входе и множеством огромных, больших и не очень окон. Это был главный центр местной культуры – гарнизонный дом офицеров. Здесь демонстрировались все новинки советской и зарубежной киноиндустрий, спектакли приезжих артистических трупп, шарящих по неохваченным уголкам матушки-России, где бы можно было что-нибудь срубить по легкому. Здесь проходили гарнизонные съезды и собрания, банкеты офицерского состава, смотры талантов из числа участников художественной самодеятельности, жаркие бои местных боксеров, схватки борцов и выступления штангистов. В общем здесь проходили все мероприятия способные хоть как-то развлечь и отвлечь. Развлечь население, киснувшее в лесной глуши от извечной скуки, и отвлечь молодых офицеров и их коллег постарше от рюмки с горячительным в нерабочее, а порой и вполне рабочее время.

Отдельным специфическим очагом быта стояла баня, которую мы посещали раз в две недели. Правда, если верна

солдатская мудрость, солдатская баня – это не русская баня с веником и пивом, а баня с тазиком и без горячей воды, но это не совсем так, и, по большей части, горячая вода в бане все-таки была. Между этими посещениями можно было в своей родной казарме воспользоваться душем, если была вода, если нигде не текли трубы и если в наличии был ответственный прапорщик, причем прапорщик должен был быть не только в наличии, но и вполне в рабочей форме, что соблюдалось далеко не всегда. А так же к специфическим очагам данной местности относился поселковый почтамт, посещение которого всегда было для нас радостным событием.

Вокруг всех перечисленных объектов, находились большие, даже огромные здания казарм. Казармы стояли группами. Каждая группа была как бы обвязана, опоясана забором. Это был воинский полк или воинская часть. А дальше со всех сторон на человеческое жильё надвигался лес.

Лес был достаточно цивилизованный с некоторым количеством дорог и дорожек, с елками-соснами в три обхвата диаметром, с редкими зайцами и более частыми белками. Несколько дальше через лес располагался огромный полигон или семья полигонов, на котором или которых тренировались и танкисты, и противотанкисты, и артиллеристы, и еще невесть какие войска. По рассказам, полигон достигал сотни километров в длину и не меньшего количества тех же самых единиц в ширину. Полигон мы посещали пять раз за полгода.

Первый раз перед принятием присяги. Нам выдали по во-

семь патронов каждому. Три патрона для стрельбы одиночными выстрелами и пять, чтобы научиться стрелять очередью. Это были стрельбы перед принятием присяги. Таким образом к присяге нас приводили уже как грамотных обстрелянных воинов в совершенстве владеющих современным оружием.

Может быть выдавали патроны и для повторной стрельбы, к примеру, если с первого раза ты никуда не попал. Может быть, но никто этих патронов не видел. И все сразу же попали кому куда было нужно.

На занятиях нам уже рассказали, что мне (имею в виду всех курсантов), как командиру боевой машины, а именно такое гордое звание будет мне присвоено после окончания учебного подразделения, в качестве личного оружия кроме автомата выдадут пистолет и гранатомет. Но стрелять из них нам не пришлось ни одного раза. Пистолет показали издали в учебном классе, а гранатомет на плакате.

Второй раз на полигоне мы проходили обкатку танками. Предполагалось, что современный молодой боец, точнее молодой парень, только что ставший бойцом, до одури боится тяжелой бронетанковой техники и при виде ревущего бронированного зверя готов бежать на все четыре стороны, с тем, чтобы больше никогда не видеть эти железные чудовища.

Чтобы побороть этот панический страх и внушить солдату, что танк – это вполне мирная и добрая конструкция, проводились специальные занятия. Задолго до нашего прибы-

тия не только на полигон, а и вообще в воинскую часть, был вырыт основательный окоп глубиной более человеческого роста. По периметру окоп был укреплен двадцатисантиметровыми бревнами. При необходимости внутри окопа можно было вполне безбоязненно переждать средней интенсивности бомбардировку. Окоп стоял здесь не один год, и его надежность была проверена не одним поколением курсантов.

Итак, курсант в гордом одиночестве размещался со всеми удобствами в этом окопе. Все остальные с интересом и нескончаемыми комментариями, которые безуспешно пресекались сержантом, рассматривали, что будет дальше с бедолагой. Устроившись в окопе, тот озирался, пытаясь понять, что же его ждет, какой бесчеловечный подвох. Все его действия были тщательно показаны, рассказаны и отрепетированы, но все-равно всегда ожидаешь чего-то непредвиденного.

Впереди метрах в пятидесяти на бугорок выскакивал ревущий танк, красочно остановившись на вершине бугорка и для острастки еще раз взревев двигателем, танк на всей скорости несется на курсанта, сжавшегося в клубок на дне окопа. Наехав на окоп бронированное чудовище крутится над бедным мальцом сначала в одну сторону, затем в другую, засыпав юношу небольшим количеством земли. После чего машина спокойно должна переехать через окоп и спокойно удалиться на заданные позиции. Но упражнение еще не окончено. Внутри окопа в стенке находится ящик с бутыл-

ками, которые старшина предварительно собирал по всей части. В бутылках красная краска, смешанная с водой. Это имитация зажигательной смеси, так называемого коктейля Молотова. И вот, когда танк спокойно переехал через окоп и опять-таки спокойно удаляется, курсант должен немедленно, не теряя ни единой секунды, схватив из ящика одну или две бутылки с псевдо коктейлем, подбадривая себя нечеловеческими криками (слова и содержание не имеют значения, играют роль героический тембр и отчаянная громкость звучания) со всей дури запулить эти бутылки в башню так, чтобы краска залила максимум металлической поверхности машины. Бедные танкисты потом до полуночи будут оттирать алый краситель, поминая на все лады и курсантов и всю их родню до девятого колена.

После того, как в окопе побывает весь взвод, обкатка заканчивалась. Считалось, что теперь все курсанты полностью обучены взаимодействию с танками противника, и в случае танковой атаки дадут достойный отпор неприятелю.

Еще два раза нас просто вывозили на показательные учения гарнизона, чтобы мы хотя бы издали могли полюбоваться боевой мощью нашего оружия.

Последний раз мы посещаем полигон уже незадолго перед выпуском. Опять восемь патронов, но теперь стреляем по падающей мишени. Если в первый раз стреляли в круги, нарисованные на бумаге, прикрепленной канцелярскими кнопками к неподвижному листу фанеры, то теперь эта фанера

контуром напоминает человека, окрашена защитной краской и время от времени секунд на тридцать опускается вниз, а затем поднимается.

Стрелять большинству из нас больше за ближайшие два года не предполагалось.

Отныне мы были уже полностью обученными и обстрелянными воинами, готовыми любыми видами вооружения защищать от врага страну развитого социализма.

Если погода во время показательных стрельб была достаточно хорошей, нас отправляли прочесывать полигон. Требовалось обнаружить остатки снарядов. Если быть более точным, то оружие почти все реактивное и снаряды – это не просто снаряды, а маленькие ракеты. Именно мои снаряды, с которыми я буду иметь дело – это управляемые ракеты. Они летят на три километра и всю дорогу я могу, точнее должен, корректировать их полет: выше – ниже – правее – левее – ниже и так далее. Управление осуществляется по проводам, три километра которых намотаны на летящий снаряд.

Вот остатки таких и подобных снарядов и должны мы обнаружить. За полгода службы мне довелось трижды участвовать в таких прочесываниях (одно какое-то внеплановое) и ни разу мы ничего не нашли. Но дважды ловили зайца.

Дело происходило так. Представьте погожий осенний день. Слабо греющее осеннее солнышко. Огромное поле, покрытое в пол человеческого роста бурьяном, редкими осинками и березками. Полторы тысячи человек выстроились

редкой цепью метра через три друг от друга бредут переговариваясь через это поле. Люди уже достаточно измотались и им важны не поиски и находки, а конец пути и долгожданный отдых. Неожиданно где-то из кустов подняли зайца. Он метнулся в одну сторону, в другую и дал стрекоча вперед.

Наш комбат – заядлый охотник. Вид оружия его не интересует, главное – добыча. Взять ее живой или мертвой!

– Солдаты и сержанты! Слушай мою команду!

Комбат едет на машине, на газончике, сзади строя. Сейчас он вскочил на сиденье. Его хорошо видно и ему прекрасно видна вся картина.

– Кто поймает зайца – курсанту десять дней, сержанту двадцать одни сутки отпуска! Вперед! МАРШ!

Цепь срывается с места. Куда только девалась усталостью Ноги, налитые только что неподъемным грузом, обрели невероятную легкость. Даже, не очень верящие в реальность отпуска, солдаты вроде меня, подчиняясь стадному инстинкту, когда каждый, не думая, что он творит, делает то же, что и большинство группы, неслись за бедным животным. Три тысячи ног одновременно ударили в землю. Почва тряслась. Листья падали с деревьев. Кусты прогибались. Почему зайца нехватила кондрашка, я не знаю. Этого не знает никто. Если бы на месте зайца был человек, элементарный инфаркт был бы ему обеспечен. Заяц остался цел. Мало того. Он ушел от погони. Он легко ускакал от полутора тысяч тренированных, откормленных, ревуших бойцов! Одно слово – живот-

ное!

Второй раз все произошло тютелька в тютельку точно так же. Опять заяц. Опять обещание отпуска. Опять неудача и разочарование. Но, конечно, азарт, жажда победы, спортивный интерес, адреналин – это надолго запоминается, будоражит кровь, бодрит.

Несколько раз пришлось ходить дневальным по полигону, но в этом ничего интересного нет.

Итак, поселили нас в казарме, стали мы солдатами, вернее курсантами. И потекло курсантское житье-бытье.

Шесть утра. Казарма спит и десятый сон видит. Помещение просторное, но в помещении кровати в два яруса – два этажа. На кроватях батарея курсантов ПТУРС – 180 человек, да не просто человек, а 180 откормленных под сотню килограмм здоровенных молодцов, которые сутками занимаются физической работой. Рядом с кроватями выставлены 180 пар сапог с намотанными на них портянками. Амбре в казарме стоит еще то.

– Батарея подъем! – как оглашенный орет дневальный.

Одеяла минуту шевелятся, соображая, что бы все это значило, и вдруг резко взлетают вверх, народ прыгает с кроватей в момент натягивает гимнастерки и брюки, обувает сапоги. Если дежурный сержант уличит кого-то в недобросовестном подъеме, то вечером вместо личного времени, когда можно почитать, написать письмо, посмотреть телевизор, да просто подготовиться на завтра, чтобы с утра не пороть го-

рячку, придется тренироваться в подъеме и заодно в отбое, т. е. в укладывании в постель на время. Если тренироваться одному – это еще полбеды. Но с одним никто возиться не будет. Тренировать начнут отделение – 10 человек или взвод – это уже тридцать человек. Всю батарею тоже никогда не тренируют. Слишком много народу, слишком трудно за всеми уследить, слишком трудно справиться. А вот от десяти до тридцати человек самое нормальное количество.

Через пять минут после подъема новая команда:

– Выходи строиться на физзарядку!

Опять подается истошным криком, каким обычно кричат Караул! Спасите! Просто голос парня у тумбочки, а его называют дневальным, еще не отработан. Парнишке не часто приходилось повышать голос дома, но это ничего. Голос дело наживное. Физическая ловкость дается гораздо труднее.

Каждый взвод строится на улице. Не важно, какая температура, голый торс, сапоги и брюки х\б. «Не страшны нам ни холод, ни жара» ... Дежурный сержант или взводный сержант предыдущего набора, т. е. самый младший из всех сержантов взвода, ведет команду на физзарядку.

Стоит остановиться и поговорить о молодых и стариках. Старики в армии – это солдаты больше прослужившие. Старик, дедушка – тот кому осталось служить полгода, сто дней, месяц или и того меньше. Считается, а на практике так и есть, что эти солдаты уже познали солдатскую науку, они выполняют любой норматив на отлично, они придут на по-

мощь в трудную минуту и товарищу, особенно молодому, и командиру, на них очень часто все держится. Поэтому им и предоставлены негласно некоторые льготы и послабления.

И им же дано право обучать молодых солдат. А как идет обучение? Методом кнута и пряника. Пряник у кого лучше, кнут – у кого хуже. И все это не дедовщина. Это суть армейской жизни. А вот когда используется один кнут, причем только кнут и постоянно кнут, кнут и кнут, так что неба не увидишь, это уже и начинается дедовщина.

Вопрос кто старше, кто младше, кто дедушка или старик, а кто салага очень актуален первый год. Прислали к нам в учебку на стажировку курсантов-выпускников из какого-то военного училища. То есть прослужили эти курсанты года по четыре с лишним. Это было уже ближе к концу нашего обучения, значит на четвертом или пятом месяце службы. Вот тогда-то и произошел разговор между Лешкой Ежиком и взводным. Точнее говорил один Лешка, язык у него был подвязан, потрепаться он любил, а тут уже объявили, что он остается в учебке, это еще смелости ему добавило.

– Товарищ лейтенант. Вот вы мне объясните. Где справедливость? Этот курсантик меня сегодня салагой обозвал. Это меня, которому осталось служить всего ничего. Какие-то полтора года. И обозвал курсантик, которому таскать сапоги не меньше двадцати лет! Ну, как он смел!!!

Вот и у нас на физзарядке человек двадцать пять. Семь человек спят, вчера просидели где-то в каптерке допоздна.

Форма спортивная – трусы и тапочки. У кого нет – сапоги и майка. Такая команда.

Полчаса физические упражнения, обязательна километровая пробежка между соснами по свежему воздуху. Теперь час на умывание, одевание и всякие мелкие хозяйственные нужды.

Значит так. Первое: умыться, побриться, подшиться. Какое счастье, что подшиваешься не весь, а только подворотничок. Вообще-то, при хорошей организации подшить воротничок можно было накануне вечером, но дело это не сложное, наживить на одну нитку кусочек белой тряпочки – раз плюнуть. Просто времени обрез и каждый день (!) – ужас.

Все начинается с малого: сегодня ты не вышел на зарядку, завтра у тебя не подшит подворотничок, в субботу ты пойдешь в увольнение, напьешься и убьешь человека.

Сапоги. Как там у Окуджавы: «Ну куда от них денешься?». Основная заповедь курсанта: сапоги всегда должны быть начищены и блестеть как хм-м-м, вобщем хорошо блестеть, как у комбата. Сапоги нужно чистить с вечера, чтобы утром надеть их на свежую голову. Сапоги – это ваше лицо.

А если завтра война, а у вас грязные сапоги?

При обнаружении вспышки ядерного взрыва самое главное – это повернуться к нему спиной, чтобы сталь со штыка не капала на органы производства или казенные сапоги.

Ум хорошо, а два сапога все равно пара. Умом ты можешь не блистать, но сапогом блистать обязан!

Гимнастерка должна быть тщательно выстирана, ну, это только с вечера успеть и поглажена – это тоже с вечера. Но получаешь наряд на работу за невыполнение какого-то пункта и утром, и вечером.

Теперь постель. Застилаем, заправляем. Специальными досочками отбиваем край одеяла, чтобы постель смотрелась ровным прямоугольником, чтобы грани были как стрелки на брюках. Табуретки у кроватей выровнены, пол дневальные подметут и протрут, воздух в помещении проветрили, когда все были на физзарядке.

Построение на утренний осмотр.

– Курсант Федоров!

– Я!

– Головка от... БМ-14! Почему подворотничок несвежий?

– Да я...

– Наряд на работу вне очереди!

Такие диалоги сплошь и рядом во всех взводах. Отрабатывать наряды вечером после отбоя. Где находят работы для нарядчиков? В туалете. Здесь работ много. Поэтому в хорошей части у хороших командиров, и дисциплина хорошая, и медные ручки у краников в туалете блестят, и в писсуарах никакого отложения солей.

После построения уборка территории. На территорию идут не все, а 100 процентов. Вся территория воинской части поделена между подразделениями. Каждое подразделение отвечает за свой кусок. Проверяют территорию старшие

командиры, с солдатами про территорию и недочеты говорить не будут. Будут наказывать офицеров, а те уже...

Поэтому к уборке подходят добросовестно, хотя лично у меня под локтем под гимнастеркой всегда новая книга. Командир из сержантов книжки не жалуется, будешь при нем читать, найдет иное занятие. Вот и приходится изгаляться. Нахожу место в кустах, которое издали не просматривается и погружаюсь в иной мир, иные чувства, тем более вечером книгу кровь из носу нужно отдать в библиотеку, а то следующую могу и не получить.

Для страховки проверил, что окурков на территории не видно, шишек не нападало, в общем чистенько.

После территории завтрак. На завтрак шагаем радостно. Как курсанту проявить свою радость прилюдно, публично? Правильно. Идти с песней.

У каждого взвода есть своя строевая песня. Если со строевой подготовкой и вокалом ладится не очень, то перед завтраком можно дать кружок, второй по плацу с твердым шагом и бодрой песней. Редко, но бывало, когда взвод был не в настроении, песенная разминка затягивалась и в столовую приходили, когда большинство других подразделений уже покидали дом питания. Следует заметить, что пищу никто из посторонних никогда не присваивал и еда, пусть остывшая, но в полном ассортименте попадала по назначению.

Итак, хлеб выпекался на территории части, нормы на него

какие-то были, но память их не донесла, поскольку хлеб ни белый, ни черный не ограничивался. Масло выдавали только на завтрак 20 грамм. По рассказам, где-то у кого-то старослужащие это масло отбирали, но у нас и в учебке, и в линейной части никогда никто на масляную пайку не покушался. И чай. В качестве горячего шла или картошка, или каша. Иногда макароны. На завтрак все это было в каком-то мясном бульоне или в чем-то похожем, по крайней мере с малюсенькими кусочками мяса. Иногда на завтрак давали рыбу и жареную, и вареную, но не часто. На ужин было овощное рагу, не каждый день, но раза четыре в неделю. Может шеф-повар его очень любил или врачи считали очень полезным, кто-то говорил, что овощное рагу – самое любимое блюдо жены командира полка. Врал, наверно. А там кто знает?

Кто и как колдовал с меню, сочетал блюда и рассчитывал белки с углеводами – не знаю, только через полгода у самого заморенного допризывника лицо превращалось, грубо говоря в морду, и начинало светиться от самодовольства и сытости.

Когда в девяностые годы стали раздаваться голоса, рассказывающие про то, что солдаты в армии голодают, я был просто шокирован. Ни тогда, ни сейчас я не могу себе представить голодающего солдата.

На обед давали обязательно первое – суп или щи, такие жирные, что на первых порах многие мучились от изжоги. На второе макароны или каша в компании с котлетой

по нечетным и куском свинины по четным дням. Котлеты или свинина лежали на отдельной тарелке, ровно десять порций. Во главе каждого стола сидел сержант или старослужащий. Кто-то из них первым делом придвигал к себе тарелку с мясным блюдом, какое-то время брезгливо рассматривал котлеты или здоровенные куски сала с тонкими прослойками мяса. Затем отобрав наиболее мясосодержащие части блюда, остатки отодвигал в сторону курсантов. Как правило, желающих воспользоваться оставшимся продуктом находилось чрезвычайно мало. Даже привыкшие дома есть каждый день сало в самых разных видах украинцы, здесь от вареного сала отказывались почему-то.

С едой медлить не следовало. Если сержанту надоедало ждать, или он куда-то спешил по своим делам, или просто ему девушка плохое письмо прислала, а девушки ведь не понимают, что от их писем зависит иногда, если не жизнь, то, по крайней мере, благополучие, как минимум нескольких десятков человек (вот она женская ветреность), он мог скомандовать «Встать! Выходи строиться на улицу» и дымящиеся тарелки оставались нетронутыми, а глаза по-прежнему голодными. И в душе воцарялась неуютная сырая холодная осень и до ближайшего приема пищи была еще целая вечность.

4. Святая Мать Противогазная

Два года – это не вся жизнь, но всю жизнь будут вспоминаться эти два года

Сержант! У вас дневальный не стрижен, на ушах висит.

Короткими перебежками от меня и до следующего дуба бегом марш!

Если вам не нравятся эти сборы, мы вам устроим более другие.

Учебная батарея капитана Чекмарева готовилась к караулу. Подшивались, мылись, брились, драили сапоги, чтобы блестели лучше чем у комбата. Кто закончил с одеждой садился читать книги. Естественно, книги не художественные, а уставы, обязанности, инструкции и наставления. Все эти премудрости будут спрашивать на плацу на вечернем разводе караула. И только заступающие на кухню и в столовую спокойно ложились спать. Лишние два-три часа никому не повредят, тем более, что ночной сон обязательно укоротят на эти же два-три часа.

Наш третий взвод маялся без дела. Мы грустили. Все дело в том, что взвод совершенно случайно выиграл соревнование на лучшее подразделение. Тот кто выиграл, освобож-

дался от службы в ближайший караул и шел в кино в офицерский клуб в воскресенье на дневной сеанс. Только были некоторые уточнения. В кино шли, если не было внеплановой работы. А внеплановая работа была всегда. И те, кто не шел в караул выполняли внеплановую. Делали ее, когда шла подготовка к разводу и наряду, работали, когда шел развод, бросались в прорыв на внезапные происки незапланированных работ, когда остальные стояли на постах, ликвидировали аврал, когда вся батарея отдыхала.

Мы были уже не самые распоследние салабоны, а несколько умудрённые солдаты, точнее курсанты, так как полк был учебный. Мы уже благополучно прослужили по два месяца, успели нахватать нарядов вне очереди, провести не одну ночь, отработывая их, и отстоять по два-три караула. Поэтому мы знали, что быть впереди, как впрочем и сзади, опасно для службы, для репутации да и для здоровья, пожалуй. Лучше всего золотая середина. Не даром говорят: «Не высовывайся – бит не будешь».

И всегда к подведению недельных итогов взвод старался получить пару небольших «залетов» вроде старого подворотничка у кого-нибудь или нечищенных сапог. Более грубые нарушения карались достаточно жестко, поэтому их старались избегать.

Но капитан Чекмарев, наш комбат – командир батареи, тоже был не лыком шит. Он тянул армейскую лямку уже более десяти лет, не то три, не то пять из них прошли в учеб-

ке (учебный полк, в котором готовят военных специалистов, будущих сержантов), где по праву считался одним из лучших командиров, и свое дело знал туго. Итоги недельных соревнований он подводил всегда сам. Как и по каким принципам он определял победителей, это был его личный секрет, в который он никого не посвящал. И каждую неделю в соревновании побеждал взвод на который меньше всего думали. Пытались даже устроить нечто вроде тотализатора, но никто ни разу так и не сумел угадать верно.

Неплановые работы – это вообще было сверхъестественное явление. Кто планировал плановые мероприятия я не знаю. Известно только, что все наиболее важные, наиболее тяжелые и самые срочные работы оказывались незапланированными. А если выпадал сладостный момент, когда все работы и плановые, и неплановые все-таки были выполнены, то происходило какое-нибудь стихийное бедствие в виде урагана, тайфуна, ливня, цунами, землетрясения и прочая, и прочая. Из поколения в поколение передают курсанты предание про то, как свободный от работы взвод, расположившийся благополучно подремать, был срочно поднят на уборку территории от снега, выпавшего в августе месяце. Таким образом даже свободные от работы курсанты были полностью обеспечены этой самой работой.

Итак, мы слонялись без дела или сидели в учебной комнате, пытаясь читать конспекты, а на самом деле ждали, когда же раздастся команда: «Третий взвод, строиться!»

И радостный момент наступил. Ожидание, хуже которого это только догонять, наконец закончилось.

Построение надолго не затянулось. Взвод разбили на две группы. Одну отправили на плац, чтобы срочно подготовить его к вечернему построению на развод, т.е. очистить от снега, который шел, не прекращаясь. Вторая группа выехала на железнодорожную станцию разгружать уголь.

Затем следовало убрать территорию двора, закрепленную за взводом, установить на плацу две большущие палатки (человек на пятнадцать каждая), разместить в них печки-буржуйки и поддерживать в палатках температуру градусов 16. Вся трудность заключалась в том, что плац был заасфальтирован, асфальт портить категорически запрещалось, а алюминиевые колышки, которыми крепились палатки в асфальт ну никак не соглашались залазить.

В конце концов палатки были установлены, печки растоплены. В палатках остались двое дежурных, а мы двинулись в сушилку, чтобы хоть чуть-чуть просушиться. Приехали наши «угольщики», мы отправились на ужин, ожидая, что уж после ужина нам доведется отдохнуть, но не тут то было.

Сразу после ужина из взвода был сформирован летучий отряд помощи наряду по кухне. Почистить картошку на утро, помыть посуду, так как посудомоечная машина вышла из строя, убрать территорию. В общем вскоре после 12 мы освободились и отправились отдыхать.

За ночь нас подняли всего один раз, разгрузить фуры с ка-

кими-то грузами и это было везением. Могли поднять раз пять.

Утро начиналось на полчаса раньше с уборки территории. Затем уборка плаца, разгрузка грузов, помощь роте КЭЧ, которая... и прочая, и прочая, и прочая. Работа, работа, работа.

Вечером, когда караул чистил оружие перед сдачей его в оружейную комнату, взвод получил возможность отдохнуть, а точнее помыться и лечь спать. Весь взвод кроме меня. Я был назначен ответственным за выпуск боевого листка. У меня был личный художник. Точно такой же горемыка как я, курсант, прибывший на службу из Риги. Он действительно хорошо рисовал и по части рисунков на него можно было вполне положиться. Но весь материал должен был придумать я сам.

Плечи ныли, спина ныла, руки ныли, делать ничего не хотелось. Хотелось спать.

– Ну, что будем делать, – спросил Эдик, так звали моего художника.

– Комикс рисовать, – неожиданно для самого себя ляпнул я.

– Комикс? Это как? Вернее про что?

– Подожди минут 15, покури. Сейчас скажу

Я быстро набросал планчик сюжетиков, которые собирался отразить в листке. Остальным взводам было гораздо легче. Можно было просто перечислить, что требовалось

от курсантов и назвать, кто справился с обязанностями лучше, а кто хуже. А здесь предстояло отображать все. Вся жизнь воинской части проходила при нашем непосредственном участии. А отобразить все, что случилось в полку за сутки на листке бумаги формата А4, было невозможно.

Но выход был найден. Часа через два я написал текст. Это было нечто, которое при большом желании могло бы напомнить стихи Маяковского. Каждому событию, происшедшему с нами соответствовали одна или две строчки. В тексте размещались четыре или пять небольших рисунка. Рисунки были маленькие, но яркие, поэтому издали бросались в глаза. Начинался листок с некоей шуточной молитвы. Нечто в таком духе:

Святая Мать Противогазная!
Отец Святой наш АКМ!
Спаси нас от работы разной,
Не посылай ее совсем

и дальше перечислялись все невзгоды, которые мы пережили в день наряда. В заключении опять была просьба:

Ну и теперь, когда все уже кончилось
Дай нам, пожалуйста, чуть отдохнуть!

Листок получился ярким, броским, легко читался и хорошо запоминался. Лучше бы всего этого не было совсем!

Готовое детище мы тут же отдали сержанту – командиру отделения. Разбуженный сержант был не очень доволен,

но отправился подписывать боевой листок. А дело обстояло так. За полгода или год до наших событий в соседней батарее курсанты выпустили боевой листок. Выпускали его выходцы из солнечной Армении. В соседнем взводе большинство курсантов было не то из Азербайджана, не то из Грузии, и в выпускаемом средстве массовой информации эта национальность изображалась как-то не так как надо. А поскольку солдаты и курсанты живут одной семьей и ..., то...

В общем все сделали правильные выводы и впредь все СМИ, как то боевые листки, стенгазеты и другие, должны заверяться у офицера, командира подразделения. Теперь так и делалось. За небольшим исключением: если офицера не было, то его подпись рисовал наиболее способный сержант.

Утром боевые листки украшали казарму, а боевой листок третьего взвода украшал общий вид наглядной агитации. После завтрака курсанты убыли в парк с боевой техникой, а меня командир взвода посадил в Ленинской комнате вместо себя писать расписание занятий на неделю и конспекты этих занятий. Расписание собственно уже было составлено и записано еще лет пять-семь назад в толстой амбарной книге и мне предстояло переписать его оттуда на большой ватман. А конспекты требовалось составить, переписывая вкратце из журнала «Коммунист Вооруженных Сил». Я сидел в ленкомнате и спокойно писал все, что хотел комвзвода, когда послышался голос капитана Чекмарева.

– Так, а где боевые листки?

Капитан смолк, очевидно, знакомясь с содержанием выпущенных листов.

Внезапно раздался вопль, мало похожий на человеческую речь. Перепуганный дневальный у тумбочки рывкнул в ответ:

– Смирно!

Капитан не затихал:

– Что это такое? Я спрашиваю, что это такое?

– Боевой листок, товарищ капитан!

– Кто разрешил? Кто позволил? Что это такое?

Чувствовалось, что ответы он понимал очень плохо. Я всегда был очень сообразительным ребенком и сразу определял, куда дует ветер, поэтому я начал оперативно складывать свои бумаги, разбросанные по столу.

– Что за молитвы в моей батарее? Кто позволил? Кто здесь молится, а командир узнает о нем в последнюю очередь? Почему?

Буйство у капитана было самое натуральное. Будь моя воля, я сразу же вызвал бы машину из психушки.

– Почему солдаты разучивают молитвы, вместо того, чтобы изучать материальную часть?

Атеистические волнения Чекмарева продолжались минут пятнадцать – двадцать. К этому времени все командиры взводов, которые были в батарее, собрались в районе боевых листов. Капитан же тем временем перешел к воспитатель-

но-обучающей методике.

– Кто это протестует здесь против разных работ? Кто против методики, утвержденной в министерстве обороны и штабе округа?

Явных противников не находилось, что только подливало масла в огонь.

– Почему курсанты моей батареи отказываются выполнять разные работы?

– Отвечаю. Потому что командиры пустили воспитательный процесс на самотек и курсанты предоставлены сами себе, а среди них ведется наглая и оголтелая антикоммунистическая пропаганда!

Услышав про министерство и антикоммунизм, я побледнел и снаружи и внутри, догадываясь, что дело мое не просто плохо, а совсем плохо, и с каждой секундой становится самым настоящим делом с номером, печатями, фамилиями и сроком наказания в местах не столь отдаленных.

Капитан, между тем, продолжал перечислять все огрехи и преступные деяния создателей данного образца СМИ. Голос его сел и он все чаще пускал петуха, что выходило достаточно смешно, но никто не смеялся.

Я выбрал самый отдаленный стол, нагруженный печатной продукцией, подшивками газет и журналов и застеленный кумачом. Под этим столом было темно, тепло и уютно. Только я устроился там поудобней, как в ленкомнату влетел комвзвода.

– Курсант, курсант! – от волнения старлей видимо забыл мою фамилию.

Я сидел настолько тихо, что, казалось, сердечный стук выдаст мое местоположение. Взводный ушел. Я вздохнул спокойно.

Капитан же продолжал бушевать:

– Где это видано, чтобы советский курсант мечтал об отдыхе! Что это за курсант, который вообще думает об отдыхе? Как советский курсант может думать об отдыхе?

– Да спокойно и постоянно, – хотелось ответить отцу командиру, но чувство собственной безопасности брало верх.

– Что же делать? Как выпутаться из катавасии? – эти мысли не выходили из головы. Подсказку я получил оттуда, откуда, ну, никак не ждал.

– Кто это написал? – Наконец капитану пришел в голову основной вопрос.

– Где он? Приведите его ко мне!

– Он заболел, товарищ капитан. Сейчас в санчасти. – на-шелся мой взводный

Это меня и спасло.

Капитан еще с полчаса повозмущался тем, что его подчиненные могут думать об отдыхе, после чего отбыл к жене вкушать обеденные яства и отдыхать после обеда.

Я не теряя времени, собрал необходимые вещи (мыло, полотенце и еще какую-то мелочь) и отправился в медсанчасть. Медицину я не знал, но по части симптомов некоторых бо-

лезней подковался еще на гражданке. Память у меня неплохая. Так что уже к вечеру этого дня я был госпитализирован в дивизионный медпункт в инфекционное отделение с подозрением на дизентерию.

В госпитале меня продержали целых два месяца. За это время история с боевым листком полностью забылась, вытесненная из памяти командиров новыми происшествиями и событиями.

Только иногда ночью даже сейчас, особенно если сильно переутомился накануне, я просыпаюсь от лающего крика комбата:

– Неужели Советский солдат может думать об отдыхе? Советский солдат об отдыхе никогда не думает!

Боевой листок – это не газета какой-нибудь партии, и нечего в нем голых баб рисовать!

Боевой листок должен быть боевым листком, на то он и боевой листок!

5. Многое знание – многое печали

Вы всегда должны помнить: всё, что бы вы ни делали, вы делаете неправильно.

По команде «отбой» наступает темное время суток.

Дозорная машина высылается вперед на расстояние зрительной памяти.

Здесь как на войне – убили командира, взял автомат другого.

Живете как свиньи в берлоге.

Если вы не служили в армии, если вы идете по жизни с белым билетом, он, конечно, красный, но надпись «годен к нестроевой» или «годен к строевой в военное время», сразу же отбеливает все краски на его обложке, вы не жили и вряд ли уже вам придется жить полноценной жизнью. Как я вас жалею, как хотел бы помочь, но это невозможно, потому, что помочь вам выше человеческих сил!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.